Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 28–35. DOI: 10.17223/15617793/456/3

УДК 811.161.1

В.М. Грязнова

К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТЯХ КРЕСТЬЯНСКОГО МИРА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕФИНИЦИЙ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПОМЕТОЙ «ПРОСТОНАРОДНОЕ», НАЗЫВАЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА, В СЛОВАРЕ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА 1847 г.)

Рассматриваются словарные толкования личных существительных с пометой «простонародное», взятые из Словаря церковнославянского и русского языка 1847 г. Автор обосновывает положение о том, что представленные дефиниции могут служить источником информации о фрагменте ценностной картины мира русского крестьянства первой трети XIX в. и выявляет типы оценочных компонентов в содержании лексем с пометой «простонародное», а также доминирование пейоративной оценочности в исследуемом материале.

Ключевые слова: дефиниция; помета «простонародное»; отрицательная и положительная оценка; этические и эстетические ценности; крестьянство.

По мнению В.В. Виноградова, «одной из основных составных частей обиходного языка широких кругов русского общества была простонародная, крестьянская стихия» [1. С. 203]. Ярким примером этого явления может служить текст комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», в котором есть и крестьянские простонародные выражения: *вдругорядь, покудова, больно не хитер* и др. Князь П.А. Вяземский так характеризует манеру своего письма: «При всем моем французском отпечатке сохранил или приобрел я много и русского закала. Простонародные слова и выражения попадались мне под перо, и нередко, кажется, довольно удачно. Впрочем, за простонародием никогда не гонялся. <…> Этот русский ключ, который пробивался во мне из-под французской насыпи, может быть, родовой, наследственный» [2. С. LVIII].

Интерес широких кругов русского общества к простонародному языку отразился и в лексикографической практике Академии наук того времени. В русских толковых словарях появилась помета «простонародное»: впервые в Словаре Академии Российской (первое издание которого вышло в 1789–1794 гг., а второе издание в 1806–1822 гг., далее САР–2), затем в Общем церковно-славяно-российском словаре П. Соколова 1834 г., и в Словаре церковно-славянского и русского языка 1847 г. (Сл. 1847 г.). В САР–2 приводится такая дефиниция прилагательного *простонародный*: ‘принадлежащий, свойственный, приличный черни, низкому простому народу’ (Ч. 3. С. 639). В Словаре 1847 г. значение лексемы *простонародный* описывается так же, как и в САР–2: ‘принадлежащий, или свойственный простому народу’ (Т. 3. С. 556). Необходимо отметить, что в лексикографической практике конца XVIII и первой трети XIX вв. проводилось четкое различие между простонародным языком и просторечием. Так, толкование существительного *просторечие* в Сл. 1847 г. является иным: ‘употребление слов простым народом. Слова, в просторечии употребляемые, суть средние между высокими и низкими’ (Т. 3. С. 556). Вторая часть толкования существительного *просторечие* акцентирует различное содержание, которое вкладывали лексикографы в понятия просторечия и простонародного языка.

Понятие простонародного языка использовалось лексикографами, по мнению В.В. Виноградова, главным образом по отношению к крестьянскому языку [1. С. 210]. В то же время ученый, подробно рассматривая состав простонародного языка, вводит в него язык и иных социальных слоев русского общества конца XVIII – первой трети XIX в.: «понятие простонародного языка применялось к обиходному языку сельского населения (в его общих, не имевших резкого областного отпечатка формах), к языку дворни, городских ремесленников, мещанства, к языку мелкого чиновничества (в его общих не профессиональных выражениях)» [1. С. 207].

Объектом данного исследования являются словарные дефиниции называющих человека существительных с пометой «простонародное» в Сл. 1847 г., которые имеют оценочный компонент в своем значении, предметом – фрагмент ценностной языковой картины мира русского крестьянина первой трети XIX в., вербализованный в названных словарных дефинициях.

В лингвистике конца XX и начала XXI вв. (преимущественно на материале современного русского литературного языка) активно разрабатывается проблематика оценочного отображения действительности (см. работы Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной, В.Г. Гака, А. Вежбицкой, Е.М. Вольф, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, А.А. Уфимцевой, А.Д. Шмелева). Диахронические аспекты категории оценки изучаются не так часто. В.В. Колесов в своих трудах по исследованию древнерусской ментальности на материале семантики восточнославянских слов и классических текстов выявляет этические и эстетические категории, раскрывающие смысл антитезы Добро и Зло [3], показывает формирование эстетических и этических представлений Древней Руси в момент взаимопроникновения языческой образности славянского слова и христианского символа [4]. М.В. Пименова в книге «Красотою украси» подвергла анализу выражение в древнерусском тексте значений ‘красота’ – ‘безобразие’ в связи с развитием эстетической оценки [5]. Т.В. Писанова в монографии «Национально-культурные аспекты оценочной семантики. Эстетические и этические оценки» описала национально-культурные модели эстетических и этических оценок

в русском и испанском языках в их формировании и динамике [6]. В.В. Бычков представил систематическое исследование становления и развития средневековой духовной и эстетической культуры на Руси [7]. Ряд работ сборника «Логический анализ языка. Языки этики» посвящены анализу становления этических концептов в русском языке и в русской народной культуре, таких как вина, грех, долг, закон, совесть, стыд, справедливость и др. Это статьи Е.В. Падучевой [8], Е.С. Яковлевой [9], В.А. Матвеенко [10], А.Д. Шмелева [11]. Исследования сборника «Логический анализ языка. Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного» посвящены изучению эстетической оценки природного и духовного мира русским человеком, а также диахроническим изменениям эстетических оценок в русском социуме. Это работы Т.И. Вендиной [12]; Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева [13]; Е.В. Урысон [14], С.Е. Никитиной [15]. Исследованию пейоративной оценочности в русской народной культуре посвящена работа Л.Г. Гынгазовой и Е.В. Иванцовой [16]. В то же время оценочное значение на материале зафиксированных в Сл. 1847 г. лексем, относящихся к народной культуре первой трети XIX столетия, является неизученным.

Анализ оценочных компонентов в значении лексем с пометой «простонародное» позволяет выявить и описать ценности крестьянского мира первой трети XIX в. По мнению Е.М. Вольф, «оценочная позиция говорящего эксплицируется согласно канонам, присущим соответствующей эпохе» [17. С. 208]. Оценочные семы в значении изучаемых имен существительных относятся к такому типу аксиологической оценки, как «частнооценочная» [18. С. 198]. Этот тип оценки в процессе оценивания может быть репрезентирован высказываниями с предикатами «хорошо / плохо», что было отмечено А. Н. Барановым в одной из его статей [19. С. 74]. Среди частнооценочных компонентов в собранном материале выделяются эстетические, «связанные с удовлетворением чувства прекрасного», этические, «связанные с удовлетворением нравственного чувства», интеллектуальные и эмоциональные (разновидности психологической оценки), а также нормативные компоненты оценки [18. С. 199]. В монографии «Когниолингвистический аспект оценочности в спонтанном дискурсе» описываются различные средства выражения категории оценки на следующих языковых уровнях:

1) фонетический уровень: средствами выражения оценки служит эмфатическое ударение и интонация;

2) словообразовательный уровень: средствами выражения данной категории являются словосложение и аффиксация;

3) лексический уровень: средствами выражения категории оценки служит прямое и переносное значение слова, а также оценочные слова и конструкции;

4) синтаксический уровень: средствами выражения являются градация, повтор, эллипсис и параллелизм;

5) графический уровень: средствами выражения служат шрифт, размер, цвет, смайлики, пиктограммы и начертания. [20. С. 46].

Средством выражения оценки в нашем материале являются маркеры, относящиеся к лексическому уровню языка (его семантическим, морфемным, словообразовательным аспектам). Это либо корневые, либо аффиксальные морфемы исследуемого существительного, либо вся основа лексемы, если она употреблена в переносном значении или это немотивированное имя. Кроме того, оценка подтверждается выбором лексикографом тех слов, с помощью которых описываются изучаемые имена.

Анализ толкований существительных с пометой «простонародное», включенных в состав словника Сл. 1847 г., показал, что они относятся к четырем лексико-тематическим группам: «Человек», «Быт», «Животный мир», «Абстрактные понятия». В данной статье исследуются дефиниции имен, относящихся к наиболее многочисленной лексико-тематической группе «Человек», которую мы разделили на лексико-семантические подгруппы, характеризующие человека: 1) по внутренним свойствам, признакам: чертам характера, увлечениям, способности / неспособности к речевой деятельности, интеллектуальным характеристикам (более 80); 2) по внешним признакам: отдельным частям лица, тела, телосложению, общему облику, одежде (более 30); 3) по социальным характеристикам: возрасту, гендеру членов семьи, а также роду деятельности (более 15).

В подгруппе дефиниций с пометой «простонародное», описывающих человека по внутренним свойствам, преобладают существительные с частноотрицательной *этической* оценкой неприемлемых для русского крестьянина черт характера, свойств, наклонностей представителей своей социальной группы. Эта отрицательная оценка нередко сочетается с компонентом «интенсивность» (выражен в дефиниции лексемой *много*). Часть наименований этой подгруппы представлена парами по гендеру.

По нашим данным, отрицательно оценивается в первую очередь ложь и связанные с ней сплетни, обман, хвастовство, мошенничество: *бахвалка* ‘простон. хвастунья’ (Т. 1. С. 25); *бахвал* ‘простон. хвастун’ (Т. 1. С. 25); *залыгало* ‘простон. сплетатель небылиц, лжец’ (Т. 2. С. 33); *злыдарка* ‘простон. плутовка, обманщица’ (Т. 2. С. 91); *злыдарь* ‘простон. плут, обманщик’ (Т. 2. С. 91); *мальханщик* ‘простон. 2) обманщик’ (Т. 2. С. 284); *морочило* ‘простон. тот, кто морочит других’ (Т. 2. С. 323); *обдувало* ‘простон. обманщик’ (Т. 3. С. 7); *облупало* ‘простон. обироха, обманщик, обманщица’ (Т. 3. С. 18); *оплетало* ‘простон. обманщик, обманщица’ (Т. 3. С. 70); *прибироха* ‘простон. любящий присвоить себе чужие вещи’ (Т. 3. С. 453); *хорохоришко* ‘простон. хвастливо выказывающий свою храбрость, силу, или важность’ (Т. 4. С. 409); *шафирник* ‘простон. сплетчик, смутник’ (Т. 4. С. 450); *шафирница* ‘простон. сплетница, смутница’ (Т. 4. С. 450); *янька* ‘простон. тот, кто много говорит в похвалу себе самому, самохвал, хвастун’ (Т. 4. С. 483). Средствами выражения частноотрицательной этической оценки являются: 1) либо основа прямого или переносного значения мотивирующего слова с пейоративным компонентом, включающая суффиксальные морфемы с уничижительной окраской: -л(о) в *залыгало, морочило, облупало* и др., *-ох(а)* в *прибироха, -шк(о)* в *хорохоришко;* 2) либо только основа мо-

тивирующего слова с частноотрицательной этической оценкой: а) в прямом значении в лексемах *злыдарь, бахвал* и др., б) в переносном ассоциативном значении в словах *мальханщик* (*мальхан* ‘мазь, пластырь’, т. 2. С. 284), *янька* (очевидно, местоимение *я* в данном случае имеет смысл ‘тот, кто хвалит себя’).

В значительном количестве номинаций данной подгруппы, обладающих частноотрицательной оценкой *этического* характера, осуждается лень, праздность, бездеятельное состояние, неумение или нежелание трудиться: *балахрыстка* ‘простон. женщина, бродящая из места в место, непоседка’ (Т. 1. С. 19); *балахрыст* ‘простон. бродящий из места в место, непосед’ (Т. 1. С. 19); *валюга* ‘простон. любящий валяться, ленивый, нерадивый’ (Т. 1. С. 99); *валявка* ‘простон. ленивая, нерадивая женщина, рохля’ (Т. 1. С. 99); *гулена* ‘простон. привыкший беспрестанно гулять’ (Т. 1. С. 302); *завалень* ‘простон. ленивец, празднолюбец’ (Т. 2. С. 5); *копа* ‘простон. человек вялый, непроворный, мешковатый’ (Т. 2. С. 200); *неудаль* ‘простон. 1) неудалый человек’ (Т. 2. С. 453); *пачкальщик* ‘простон. плохой маляр, и вообще всякий неискусный, неопрятный делатель, пачкун, маратель’ (Т. 3. С. 164); *шатун* 1) ‘простон. шатающийся без дела; провождающий время в праздности, бродяга’ (Т. 4. С. 450). Частноотрицательная оценка этического характера в существительных данной подгруппы выражается чаще всего одновременно суффиксом с уничижительной окраской и основой мотивирующего слова, что характерно для лексем: *валюга* с суффиксом -уг(а), *завалень* с суффиксом -ень-, *шатун* с суффиксом -ун-, *гулена* с суффиксом -ен(а), *пачкальщик* с суффиксом -льщик- (на фоне синонима *пачкатель* с нейтральным суффиксом -тель). Реже частноотрицательная оценка этического характера в существительных данной подгруппы репрезентируется только корнем (в немотивированной лексеме *балахрыст*) либо префиксом (в слове *неудаль*).

В целом ряде толкований изучаемых лексем с пометой «простонародное», называющих человека по внутренним свойствам, осуждается жадность, нечестность, вызванная жадностью: *гоноша* ‘простон. тот, кто гоношит, копит’ (Т. 1. С. 277); *скупердяй* ‘простон. то же, что скупец’ (Т. 4. С. 142); *скупердяйка* ‘простон. скупая женщина’ (Т. 4. С. 142); *жила* ‘простон. старающийся присвоить что-либо себе недобросовестно’ (от *жилить* ‘простон. стараться недобросовестно присвоить себе что-л.’, т. 1. С. 411); *жилишка* ‘простон. уничижительное от слова жила’ (Т. 1. С. 411); *прибироха* ‘простон. любящий присвоить себе чужие вещи’ (Т. 3. С. 453). Во всех названных существительных неодобрение выражено одновременно мотивирующими основами и суффиксами, сохранившими отрицательную оценку и в современной разговорной речи (-л(а), -ишк(а), -ох(а), -(ерд)ай-).

Некоторое количество наименований рассматриваемой подгруппы связано с отрицательным отношением к обжорству, жадности в еде, реже к брезгливости в отношении еды: *брезгун* ‘простон. брезгливый человек’ (Т. 1. С. 82); *брезгунка* ‘простон. слишком разборчивый или разборчивая на еду, брезгливый или брезгливая’ (Т. 1. С. 82); *прожора* ‘простон. жадный на еду’ (Т. 3. С. 528). В толкованиях подобных существительных отрицательная этическая оценка совмещается с компонентом «интенсивность», который вербализован в дефинициях лексемами *слишком, много*: *жора* ‘простон. тот, кто много ест, прожора’ (Т. 1. С. 414); *жрун* ‘простон. тот, кто много ест, прожора’ (Т. 1. С. 414); *жрунья* ‘простон. женщина, которая много ест’ (Т. 1. С. 414).

В толкованиях с пометой «простонародное», характеризующих человека по внутренним свойствам, осуждается грубость, принуждение других к какому-либо действию: *глот* ‘простон. обидчик, притеснитель, нагло присваивающий что-либо себе’ (Т. 1. С. 266); *мужлан* ‘простон. грубый мужик’ (Т. 2. С. 330); *нутник* 1) ‘простон. понукальщик’ (Т. 2. С. 469, ср.: *понукать* ‘понуждать к чему-либо словом ну’, т. 3. С. 340); *халда* ‘простон. грубая, наглая женщина’ (Т. 4. С. 396); *халуй* ‘простон. 2) человек грубый, наглый, имеющий халуйские ухватки’ (Т. 4. С. 396); *халуйка* ‘простон. 2) женщина, имеющая халуйские ухватки’ (Т. 4. С. 396). Оценка в названных существительных выражается корнем слова (*халда, глот, нутник*), суффиксами (-лан-), а также всем словом в его переносном значении (*халуй)*.

В ряде толкований осуждается пристрастное отношение к другому полу: *девочник* ‘простон. любящий обращаться около девок’ (Т. 1. С. 383); *забулдыга* ‘простон. человек развратный, распутный’ (Т. 2. С. 4); *подстёга* ‘простон. развратная женщина’ (очевидно, данное значение возникло на базе глагола *подстегивать* ‘подшивать с исподи. Подстегивать мех стамедом (род шерстяной ткани)’ (Т. 3. С. 276) и приобрело ассоциативный отрицательный смысл).

Также осуждаются излишняя серьезность, упрямство, лесть, пьянство, торопливость. В некоторых названных номинациях отрицательная *этическая* оценка совмещается с компонентом «интенсивность» (дефиниции лексем *торопыга, гомоюн* и *запивоха*): *гомоюн* ‘простон. находящийся беспрестанно в движении, непосед’ (возможно, данное слово усвоило отрицательную оценку из глагола *гомозить* ‘стоять или сидеть несмирно, вертеться’, т. 1. С. 277); *запивоха* ‘простон. пристрастный к пьянству’ (Т. 2. С. 43); *несмеян* ‘простон. человек, не смеющийся, важный’ (Т. 2. С. 450); *прилипало* ‘простон. с ласкательством вкрадывающийся, подлипало’ (Т. 3. С. 472); *торопыга* ‘простон. слишком торопливый человек’ (Т. 4. С. 290); *упырь* 1) ‘простон. упрямец’ (Т. 4. С. 356). Отрицательная оценка в указанных лексемах выражается либо и суффиксами, и мотивирующей основой (*прилипало, запивоха, торопыга*, *гомоюн*), либо только префиксом (*несмеян*), а также всей основой слова в случае его немотивированности (*забулдыга*, *упырь*).

Ряд номинаций с пометой «простонародное», называющих человека по внутренним свойствам, содержат *интеллектуальную* частноотрицательную оценку. В некоторых из них отрицательно оцениваются глупость, нерасторопность, недогадливость, отсутствие сметливости, необразованность: *балбес* ‘простон. человек глупый, необразованный, непонятливый’ (Т. 1. С. 19); *вахлак* ‘простон. 1) глуповатый, нерасторопный мужик’ (Т. 1. С. 101); *вахлачка*

2) ‘простон. глуповатая, нерасторопная женщина’ (Т. 1. С. 101); *глупендяй* ‘простон. глупец’ (Т. 1. С. 267); *дурында* ‘простон. то же, что дуралей и дурища’ (Т. 1. С. 378); *охреян* ‘простон. необразованный, нерасторопный простолюдин’ (Т. 3. С. 148); *плошин**а*** ‘простон. простота, несметливый, недогадливый человек’ (Т. 3. С. 231); *простофиля* ‘простон. глуповатый человек, простак’ (Т. 3. С. 556. Этимологически лексема возникла из словосочетания *простой Филя*); *статуй* ‘простон. болван, глупец, олух’ (Т. 4. С. 222. Данное значение возникло на базе прямого значения лексемы *статуя* ‘изваянное изображение человека, истукан’ с дальнейшим изменением рода, содержания и приобретением оценочности); *фатюй* ‘простон. простак, неловкий, нерасторопный человек’ (Т. 4. С. 385); *фофан* ‘простон. простяк, несмышленый, нерасторопный человек’ (Т. 4. С. 394. Лексема возникла как фонетическая модификация собственного имени Феофан с дальнейшим приобретением им иного содержания и оценочности). Большая часть названных слов выражает оценку всей основой слова: *фатюй, охреян, фофан, простофиля, балбес, вахлак, статуй.* Лексемы *дурында, глупендяй, плошина* имеют отрицательный компонент и в мотивирующей основе, и в суффиксе (-ынд(а), -(енд)ай-, -ин(а)).

Для другой части данной подгруппы толкований характерна как отрицательная *интеллектуальная* оценка, относящаяся к неумению общаться, наладить отношения с другими людьми, так и положительная *интеллектуальная* оценка, акцентирующая способность крестьянина к речевой деятельности. Отрицательная оценка: *бормота* ‘простон. то же, что бормотун и бормотунья (человек бормочущий)’ (Т. 1. С. 76); *бранько* ‘простон. бранчивый человек’ (Т. 1. С. 80); *бурлило* ‘простон. шумливый, неспокойный человек’ (Т. 1. С. 90); *зажига* ‘простон. зачинщик, виновник раздора’ (Т. 2. С. 19); *огрыза* ‘простон. привыкший огрызаться’ (Т. 3. С. 47). Положительная оценка: *балагур* ‘простон. говорун, шутник, забавник’ (Т. 1. С. 19); *балясник* 2) ‘простон. веселый рассказчик, шутник’ (от слова *балясы* в переносном значении ‘шутка’, Т. 1. С. 20); *балясница* ‘простон. веселая рассказчица’ (Т. 1. С. 20); *бахарь* ‘простон. охотник говорить много и забавно; рассказчик’ (от *баять* простон. 1) говорить, разговаривать, т. 1. С. 25–26). Лексемы *бранько, бурлило, огрыза, зажига, бормота* имеют отрицательный компонент и в мотивирующей основе, и в суффиксе (-к(о), -л(о), -от(а)). Номинации *бахарь, балясник* выражают мелиоративнй компонент прежде всего сигнификатом основы мотивирующего слова, который определяет оценку и семантически неоднозначного суффикса (-арь), а лексемы *балясник*, *балагур* – всей основой слова.

В изучаемой подгруппе имен существительных, называющих человека по внутренним свойствам, положительно оценивается бойкость, проворность человека, забота о других, умение трудиться. Полагаем, что это смешанная *эмоционально-этическая* оценка: *бойчак* ‘простон. бойкий человек’ (Т. 1. С. 73); *быстряк* ‘простон. быстрый, проворный человек’ (Т. 1. С. 92); *заботник* ‘простон. заботящийся, пекущийся’ (Т. 2. С. 4); *заботница* ‘простон. заботящаяся, пекущаяся’ (Т. 2. С. 4); *лихач* ‘простон. 1) бойкий, проворный человек’ (Т. 2. С. 257); *мастак* ‘простон. искусный в чем-нибудь’ (Т. 2. С. 289); *мастерище* ‘простон. увеличительное от слова мастер. Большой знаток, или искусник в чем-нибудь’ (Т. 2. С. 289); *неугомон* ‘простон. неугомонный человек’ (Т. 2. С. 453); *ухарь* ‘простон. бойкий человек, хват, молодец’ (от глагола *ухать* ‘произносить междометие ух’, т. 4. С. 376). Большая часть названных слов выражает положительную оценку прежде всего мотивирующей основой: *быстряк, лихач, заботник, бойчак, мастак, мастерище, неугомон, ухарь.* Мелиоративный оценочный компонент вариативного по своему значению суффикса (-арь, -ач, -ищ(е), -ак) обусловлен семантикой одобрения мотивирующей основы.

В целом в толкованиях с пометой «простонародное», называющих человека по внутренним свойствам, наблюдается асимметрия частнооценочной шкалы (и этической, и интеллектуальной): обозначений положительных качеств значительно меньше, наименования «плохих» качеств лексически разветвлены и представлены детализированно.

В подгруппе дефиниций с пометой «простонародное», называющих человека по внешним признакам (по отдельным частям лица, тела, телосложению, общему облику, одежде), в толковании могут присутствовать маркеры и положительной, и отрицательной оценки. Для этой подгруппы наименований также характерна названная выше асимметрия оценочной шкалы, выражающаяся в преобладании и в детализированном характере пейоративных обозначений.

Представлена как отрицательная оценка *эстетического характера,* которая является синтезом «сенсорно-вкусовых и психологических оценок» [18. С. 198], так и отрицательная *нормативная оценка* по степени интенсивности реализации определенного признака, шкала которого выявляет эстетические предпочтения крестьянина первой трети XIX в. Вслед за М.В. Пименовой, под эстетической оценкой в работе понимается «отношение субъекта оценки к объективной ценности, воспринимаемое как признак оцениваемого объекта с точки зрения существующего в ту или иную эпоху национального представления о красоте-безобразии в рамках картины мира данного социума» [5. С. 3].

Отрицательная оценка *эстетического* характера вариативна.

1. Большое внимание представитель простого народа уделяет *опрятности*, неопрятность характеризуется как отрицательная черта: *возгривец* ‘простон. не обтирающий возгрей, сопливец’ (Т. 1. С. 145); *возгривик* ‘простон. то же, что возгривец’ (Т. 1. С. 145); *возгряк* ‘простон. то же, что возгривец’ (Т. 1. С. 145); *возгривка* ‘простон. не обтирающая возгрей, сопливица’ (Т. 1. С. 145); *замараха* ‘простон. неопрятный, не наблюдающий около себя чистоты’ (Т. 2. С. 34); *мохноноша* ‘простон. неопрятная женщина, ходящая в лохмотьях’ (Т. 2. С. 326); *чумазка* ‘простон. запачканный, грязный, неопрятный человек’ (Т. 4. С. 446).

2. Отрицательно оцениваются физические недостатки: *косыня:* 1) ‘простон. имеющий косые глаза’ (Т. 2. С. 211).

Отрицательная *нормативная* оценка по степени интенсивности также является разнообразной. Нормативность ряда названных ниже лексем сосредоточена в серединной части шкалы (параметры «высокий – низкий», «толстый – худой»).

1. Наибольшее внимание представитель простого народа уделяет отклонениям от *нормы роста*: *дылда* ‘простон. великорослый, нескладно сложенный, неловкий человек’ (Т. 1. С. 382); *жердило* ‘простон. высокий и тонкий человек’ (Т. 1. С. 404); *мужичина* ‘простон. высокорослый мужчина’ (Т. 2. С. 330).

2. Внимание уделяется *полноте / худощавости*, отрицательно оцениваются как излишний, так и недостаточный вес: *пузан* ‘простон. мужчина, имеющий большое брюхо’ (Т. 3. С. 577); *пузанья* ‘простон. женщина, имеющая большое брюхо’ (Т. 3. С. 577); *худерба* ‘простон. человек очень худощавый’ (Т. 4. С. 411).

3. Внимание акцентируется и на *величине губ*, *зубов, живота,* неэстетичными воспринимаются большие губы и зубы, а также большой живот: *губан* ‘простон. имеющий большие и отвислые губы’ (Т. 1. С. 300); *губанья* ‘простон. имеющая большие и отвислые губы’ (Т. 1. С. 300); *зубач* ‘простон. то же, что *зубан* (имеющий большие зубы’ (Т. 2. С. 97); *мамон* ‘простон. желудок, брюхо. Эк ты мамон-то набил’ (Т. 2. С. 285, значение данного слова является образной ассоциацией на базе существительного *мамона*, которое использовалось в Евангелиях в значении ‘имение, богатства, земные блага’).

4. Определенное внимание акцентируется на *размере глаз*, отрицательно оцениваются большие глаза: *буркалы* ‘простон. большие глаза. Что ты буркалами-то похлопываешь? ’ (Т. 1. С. 89). Отнесение данного слова к лексике с ценностным отрицательным компонентом подтверждается материалами Сл. Даля, в котором зафиксированы лексемы: а) *буркала* ‘…глаза на выкате, глазные яблоки. Что буркала выпучил?’; б) *буркаластый* ‘пучеглазый, лупоглазый, глазастый, лупастый’ (Сл. Даля, т. 1. С. 350–351), в дефиниции которых лексически выражена отрицательная эстетическая оценка. Доказательством отрицательной оценочности слова *буркалы* служит ее сочетаемость с глаголами аналогичной оценочности в художественной литературе первой половины XIX в. (примеры выбраны из НКРЯ): «…буркалы-то в землю прешь» (А.И. Левитов «Моя фамилия», 1863), «…пора продрать буркалы-те» (Д.В. Григорович «Антон-горемыка», 1847), «…буркалы-то на нас вытаращил» (М.Н. Загоскин «Рославлев, или Русские в 1812 г.», 1830).

Существуют и *комбинированные нормативные* оценки по степени интенсивности.

1. Отрицательная оценка полноты / худощавости может сочетаться с аналогичной оценкой малого роста: *карапузик* 1) ‘простон. малорослый и толстобрюхий человек’ (Т. 2. С. 162); *мухортик* ‘простон. малорослый, сухощавый и слабосильный человек’ (Т. 2. С. 333), что позволяет сделать вывод о том, что отрицательной чертой считается не только слишком высокий рост (см. выше), но и слишком низкий.

2. К комбинированным свойствам относится и сочетание отрицательной оценки излишней полноты и высокого роста: *бабища* ‘простон, увеличительное от слова баба в 3 значении’ (*баба* ‘3) женщина низкого состояния’, т. 1. С. 17). Средством выражения оценки в названных выше лексемах является основа мотивирующего слова чаще в прямом, реже в переносном значении, содержащая в своем сигнификате пейоративный компонент: *возгривец, замараха, чумазка, дылда, жердило* и др., суффиксы с уничижительным значением: -ин(а), -ища(а), -ач, лексика толкований в дефинициях номинаций *губан, пузан, мухортик, худерба, дылда* и др.

Дефиниции с пометой «простонародное», характеризующие человека по внешним свойствам и содержащие положительную оценку синкретичного *эмоционально-эстетического* характера, являются нераспространенными: *красава* ‘простон. то же, что красавица’ (*красавица* ‘имеющая весьма правильную и привлекательную наружность’; от *красивый* ‘нравящийся по правильности, соразмерности, выбору’, т. 2. С. 216); *милыш* ‘простон. милый человек’ (от *милый* приятный, любезный, привлекательный. Милый взгляд, милая улыбка, т. 2. С. 304); *миляга* ‘простон. то же, что милыш’ (Т. 2. С. 304); *пригожайка* ‘простон. пригожая женщина или девушка’ (Т. 3. С. 460). Полагаем, что в данных лексемах представлены две шкалы оценки: эстетическая по параметру «красивый – некрасивый» и эмоциональная по параметру «приятный – неприятный», в которых детализирован положительный фланг континуума. Особо следует отметить лексему *красик*, синкретизм оценки в которой еще более усилен. В ее значении, по данным Сл. 1847 г., совмещаются семантические компоненты ‘красота’ и ‘здоровье’, что выявляет направленность сформировавшейся оценки на практические интересы крестьянина: *красик* ‘простон. здоровый и видный мужчина; красавец’ (Т. 2. С. 216). Положительная оценка в названных словах выражается прежде всего мотивирующей основой, которая акцентирует мелиоративность: *краса, милый, пригожий*.

Имена существительные с пометой «простонародное», называющие крестьянина по социальным признакам и обладающие оценочностью, называют членов семьи крестьянина по возрасту, гендеру, а также в редких случаях род деятельности крестьянина. Преобладают номинации детей, частотны обозначения младших и старших сыновей и дочерей, что обусловлено многодетностью крестьянских семей.

Оценочный компонент части этих имен мы относим к положительной *эмоциональной оценке* по параметру «приятный, вызывающий радость – неприятный, вызывающий досаду»: *девка* 1) в просторечии то же, что девица. Добрая девка, умная девка’ (от *дева* ‘1) црк. каждая из женскаго пола от младенчества до замужества’, т. 1. С. 383)); *девуля* ‘простон. то же, что девка в 1 значении’(Т. 1. С. 384); *девчина* ‘простон. то же, что девка в 1 значении ’ (Т. 1. С. 384); *дитятко* ‘простон. уменьшительное от слова дитя. Спи, мое дитятко!’ (от *дитя* ‘младенец мужескаго или женскаго пола’, т. 1. С. 324); *малыш* простон. 2) меньший или младший сын (Т. 2. С. 287).

Полагаем, что маркерами положительной эмоциональной оценки названных номинаций являются:

1) книжная (высокая) принадлежность мотивирующего слова, сигнификат которого обладает имплицитной положительной оценкой: номинации *девка, девуля, девчина* мотивируются церковнославянским существительным *дева* (с такой пометой оно отмечено в Сл. 1847 г.); 2) межстилевая принадлежность мотивирующего слова / словосочетания, сигнификат которых обладает имплицитной положительной оценкой: а) лексема *дитятко* мотивирована словом *дитя* в форме косвенного падежа, б) существительное *малыш* находится в отношениях мотивации со словосочетанием *малый ребенок*; 3) состав лексем в авторских речениях дефиниций этих имен: *добрая девка, умная девка* (эти примеры позволяют охарактеризовать оценку лексемы *девка* как одновременно эмоциональную, этическую и интеллектуальную); 4) мелиоративный оценочный компонент в семантике однозначных ласкательных и уменьшительно-ласкательных суффиксов (-ул(я), -к(о), -ыш).

Особо следует оговорить номинацию *махотка*, которую мы также относим к лексемам с положительной оценкой: *махотка* ‘простон. 1) то же, что малютка’ (Т. 2. С. 292, от *махотный* ‘простон. очень малый, крошечный’) – на основании того, что лексема *малютка*, через которую авторы Сл. 1847 г. толкуют номинацию *махотка*, обладает положительной эмоциональной оценкой (она выражена в примере): *малютка* ‘дитя человека малаго возраста. Бедный малютка!’ (Т. 2. С. 284). В САР–2 находим аналогичные дефиниции: *махотка* ‘слово низкое. Значит то же, что малютка’ (Ч. 3. С. 720); *малютка* ‘говорится в просторечии приветственно и из ласки о малолетних детях’ (Ч. 3. С. 690).

В то же время лексемы *мальченко* ‘простон. то же, что мальчишко’ (Т. 2. С. 284); *мальчишко* ‘уничижительное от слова мальчик. Негодный мальчишко’ (Т. 2. С. 284); *мальчуга* ‘простон. то же, что мальчик’ (от *мальчик* 1) отрок, дитя мужескаго пола, т. 2. С. 284) имеют отрицательную эмоциональную оценку по указанному выше параметру оценочной шкалы. Средствами ее выражения являются помета «уничижительное», выбор прилагательного в примере дефиниции (*негодный*), установленные лексикографом отношения тождества толкований слов *мальченко* (которое имеет эксплицитные маркеры отрицательной эмоциональной оценки) и *мальчишко*, суффиксы разговорной бытовой речи -ишк(о), -уг(а), -онк(о) с отрицательным семантическим компонентом. В дефиниции существительного *мальчик* в САР-2 находим подтверждение высказанному мнению: *мальчик* ‘от коего происходят уничижит. *мальчуга* и *мальчишка.* Отрок, детище мужескаго пола’ (Ч. 3. С. 690). Словарь Даля также подтверждает отрицательную оценочность названных номинаций: *мальчишка, мальчуга* ‘мальчик в унизительном или шуточном значении’ (Т. 2. С. 764).

Особого описания требуют номинации меньших дочерей, сыновей, малых детей, не имеющих в толкованиях показателей оценки и включающих в свой состав вариативные (неоднозначные) в аспекте эмоциональной оценочности суффиксы: *малка* ‘простон. меньшая из дочерей’ (от *малый* ‘по сравнению с другими недостаточный в величине, числе, мере, продолжении и пр. малыя дети’, т. 2. С. 281); *малуха* ‘простон. меньшая дочь или меньшая сестра’ (от *малый,* т. 2. С. 284); *мальга* ‘простон. 1) малый ребенок’ (от *малый,* т. 2. С. 284); *меньшак* ‘простон. меньший сын или брат’ (от *меньший* ср. ст. прил. *малый*, т. 2. С. 298). Мотивирующими единицами названных лексем являются словосочетания *малая дочь / сестра, меньшая дочь / сестра, малый ребенок, меньший сын / брат,* которые, по нашему мнению, обладают имплицитной положительной эмоциональной оценкой, содержащейся в их сигнификате, которая передается и мотивированным именам. Спецификой суффиксов, находящихся в структуре данных имен (-к(а), -ух(а), -ак), является обладание в системе русского словообразования как положительной, так и отрицательной эмоциональной оценкой, которую они, усваивая из мотивирующего слова, усиливают. Полагаем, что в нашем случае усваивается мелиоративная эмоциональная оценка. Крестьянин (потенциальный или реальный родитель) может квалифицировать такой объект оценки, как малый ребенок, только как вызывающий радость, счастье, приятные ощущения, что определяется всей программой его жизни.

Имена существительные, называющие крестьянина по роду деятельности и имеющие помету «простонародное», обладают нейтральной окраской. Исключение составляют лексемы, которые не именуют, а характеризуют вид занятий, они обладают отрицательной *этической* оценкой. Так, в представлении крестьянина такой вид деятельности, как слуга, является недостойным. В Сл. 1847 г. толкование данного имени сопровождается словами «презрительное название»: *халуй* ‘простон. 1) презрительное название слуги, холоп’ (Т. 4. С. 396); *халуйка* ‘простон. 1) презрительное название служанки, холопка’ (Т. 4. С. 396). На базе этого прямого значения с частноотрицательной этической оценкой возникло второе ассоциативное оценочное значение – *халуй* ‘простон. 2) ‘грубый, наглый человек’ (Т. 4. С. 396). В то же время умение извозчика быстро ездить оценивается положительно: *лихач* ‘простон. 2) лихой извозчик’, данное значение является результатом расширения основного значения, также обладающего положительной оценкой: *лихач* ‘простон. 1) бойкий, проворный человек’ (Т. 2. С. 257).

В целом при изучении дефиниций слов с пометой «простонародное» в Словаре 1847 г. выявляется фрагмент ценностной картины мира русского крестьянина первой трети XIX в. Для нее характерна прежде всего детализированная пейоративная этическая, интеллектуальная и эстетическая оценка определенных свойств человека и его внешнего вида: неприятие лжи, глупости, праздности, жадности, неопрятности, отклонений от эстетических нормативных представлений русского крестьянства этого времени, связанных с телосложением человека и чертами его лица. Мелиоративная оценка в изучаемых существительных является лексически не разветвленной и менее частотной, одобрение крестьянина вызывает проворность, трудолюбие, искусность в каком-либо деле, способность к коммуникации, общая внешняя пригожесть представителя его социальной группы. В наименованиях членов крестьянской семьи обращает на себя внимание значительное количество

оценочных обозначений старших и младших детей, обладающих как положительной, так и отрицательной эмоциональной оценкой.

Анализ толкований имен существительных с пометой «простонародное» в Словаре 1847 г. показал культурную значимость данного материала в связи с тем, что по его содержанию «можно вывести обобщенную ценностную ориентацию социума» [17. С. 208], в нашем случае – крестьянства в первой трети XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М. : Гос. учебно-педагогическое изд-во, 1938. 448 с.
2. Вяземский П.А. Полное собр. соч. Т. I–XII. СПб. : Изд-во гр. С.Д. Шереметева, 1878–1896. 1878. Т. 1. 355 с.
3. Колесов. В.В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. Кн. 2: Добро и зло. СПб., 2001. 304 с.
4. Колесов. В.В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. Кн. 3: Бытие и быт. СПб., 2004. 400 с.
5. Пименова М.В. Красотою украси. Санкт-Петербург ; Владимир : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007. 415 с.
6. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики. Эстетические и этические оценки. М. : Икар, 1997. 320 с.
7. Бычков В.В. Русская средневековая эстетика XI–XVII века. М. : Мысль, 1992. 637 с.
8. Падучева Е.В. Семантика вины и смещение акцентов в толковании лексемы // Логический анализ языка. Языки этики. М. : Языки славянской культуры, 2000. С. 149–167.
9. Яковлева Е.С. О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе // Логический анализ языка. Языки этики. М. : Языки славянской культуры, 2000. С. 200–216.
10. Матвеенко В.А. Лексика нравственно-оценочного ряда в древнерусском памятнике XI века // Логический анализ языка. Языки этики. М. : Языки славянской культуры, 2000. С. 363–373.
11. Шмелев А.Д. Плюрализм этических систем в свете языковых данных // Логический анализ языка. Языки этики. М. : Языки славянской культуры, 2000. С. 380–390.
12. Вендина Т.И. Прекрасное и безобразное в русской традиционной духовной культуре // Логический анализ языка. Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М. : Индрик, 2004. С. 143–162.
13. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Эстетическое измерение в русской языковой картине мира: *быт, пошлость, вранье* // Логический анализ языка. Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М. : Индрик, 2004. С. 209–230.
14. Урысон Е.В. Эстетическая оценка тела человека в русском языке // Логический анализ языка. Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М. : Индрик, 2004. С. 471–487.
15. Никитина С.Е. О статусе красоты в современной народной культуре: *прекрасное* и *красивое* // Логический анализ языка. Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М. : Индрик, 2004. С. 639–650.
16. Гынгазова Л.Г., Иванцова Е.В. Что такое «плохо» в представлении носителя традиционной народно-речевой культуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 4 (24). С. 5–18.
17. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 228 с.
18. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1998. 895 с.
19. Баранов А.Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 74–89.
20. Дубовский Ю.А., Заграевская Т.Б., Колесник О.Г. Когниолингвистический аспект оценочности в спонтанном дискурсе. Пятигорск : ПГЛУ, 2009. 501 с.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ

1. САР–2: Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1–4. СПб. При Императорской Академии наук, 1806–1822.
2. Сл. Соколова: Соколов П. Общий церковно-славяно-российский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и российском наречиях употребляемых. Т. 1–2. СПб. В типографии Императорской Российской Академии, 1834.
3. Сл. 1847 г.: Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Т. 1–4. СПб. : В типографии Императорской Академии наук, 1847.
4. Сл. Даля: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. М. : Прогресс-Универс, 1994.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 июня 2020 г.

On the Values of the Peasant World of the First Third of the 19th Century (Based on the Definitions of "Common" Nouns Naming Persons in the *Dictionary of Church Slavonic and Russian Language of 1847*)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 28–35.
DOI: 10.17223/15617793/456/3

Violetta M. Gryaznova, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: violetta-sgy@mail.ru

Keywords: definition; label "common"; negative and positive assessment; ethical and aesthetic values; peasantry.

The article analyzes the values of the peasant world of the first third of the 19th century. The material for the work was the definitions of nouns marked as "common" and naming persons in the *Dictionary of Church Slavonic and Russian Language of 1847*. The word "common" was defined in dictionaries as "belonging to simple people" (for the specified time, first of all, to the peasantry). The analysis of these definitions showed that they belong to four lexical-thematic groups: "Man", "Life", "Animal World", "Abstract Concepts". The article explores definitions related to the most numerous lexical-thematic group "Man" divided into lexical-semantic subgroups. In the group of lexemes that name a person by internal properties, character traits, hobbies, a negative ethical evaluation of character traits and inclinations unacceptable for Russian peasants prevails. This negative evaluation is often combined with the "intensity" component. Lies and related gossip, deception, bragging, fraud, inability to communicate and establish relationships with other people, stupidity, slowness, lack of intelligence, lack of education are evaluated negatively; laziness, idleness, inactivity, inability or unwillingness to work are condemned. A person's briskness, agility, concern for others, ability to work, and ability to communicate are evaluated positively. In the group of definitions marked "common" and naming persons based on external characteristics, meanings with negative evaluation prevail. Both aesthetic negative evaluation and negative evaluation of the degree of intensity of a certain feature are observed. The scale of the latter reveals the aesthetic preferences of peasants in the first third of the 19th cen-

tury. The general aesthetic negative evaluation is associated with untidiness. Negative evaluation of the degree of intensity is varied: peasants pay great attention to the abnormalities of height, some attention to corpulence/leanness (both over- and underweight are evaluated negatively), note the size of lips (large lips, teeth, eyes are perceived as unaesthetic). Definitions naming peasants based on social characteristics characterize members of a peasant's family by age, gender, and occupation. Peasants qualified being a servant as an unworthy occupation (in the *Dictionary of 1847*, the description of this type of activity is accompanied by the words "contemptuous name"). In the names of family members, there is a significant number of evaluative (both positive and negative) words that differentiate older and younger children due to the large number of children in peasant families.

REFERENCES

1. Vinogradov, V.V. (1938) *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv.* [Essays on the history of the Russian literary language of the 17th–19th centuries]. Moscow: Gos. uchebno-pedagogicheskoe izd-vo.
2. Vyazemskiy, P.A. (1878) *Polnoe sobr. soch.* [Complete Works]. Vol. I. Saint Petersburg: Izd-vo gr. S.D. Sheremeteva.
3. Kolesov, V.V. (2001) *Drevnyaya Rus': nasledie v slove: v 5 kn.* [Ancient Rus: Heritage in the Word: In 5 Books]. Book 2. Saint Petersburg: Faculty of Philology, Saint Petersburg State University.
4. Kolesov, V.V. (2004) *Drevnyaya Rus': nasledie v slove: v 5 kn.* [Ancient Rus: Heritage in the Word: In 5 Books]. Book 3. Saint Petersburg: Faculty of Philology, Saint Petersburg State University.
5. Pimenova, M.V. (2007) *Krasotoyu ukrasi* [Decorate with Beauty]. Saint Petersburg; Vladimir: Saint Petersburg State University.
6. Pisanova, T.V. (1997) *Natsional'no-kul'turnye aspekty otsenochnoy semantiki. Esteticheskie i eticheskie otsenki* [National and Cultural Aspects of Evaluative Semantics. Aesthetic and Ethical Evaluation]. Moscow: Ikar.
7. Bychkov, V.V. (1992) *Russkaya srednevekovaya estetika XI–XVII veka* [Russian Medieval Aesthetics of the 11th–17th Centuries]. Moscow: Mysl'.
8. Paducheva, E.V. (2000) Semantika viny i smeshchenie aktsentov v tolkovanii leksemy [Semantics of guilt and a shift in emphasis in the interpretation of the lexeme]. In: Arutyunova, N.D. & Levontina, I.B. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki etiki* [Logical Analysis of Language. Languages of Ethics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 149–167.
9. Yakovleva, E.S. (2000) O kontsepte chistoty v sovremennom russkom yazykovom soznanii i v istoricheskoy perspektive [On the concept of purity in modern Russian linguistic consciousness and in historical perspective]. In: Arutyunova, N.D. & Levontina, I.B. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki etiki* [Logical Analysis of Language. Languages of Ethics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 200–216.
10. Matveenko, V.A. (2000) Leksika nravstvenno-otsenochnogo ryada v drevnerusskom pamyatnike XI veka [The moral-evaluative vocabulary in the Old Russian monument of the 11th century]. In: Arutyunova, N.D. & Levontina, I.B. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki etiki* [Logical Analysis of Language. Languages of Ethics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 363–373.
11. Shmelev, A.D. (2000) Plyuralizm eticheskikh sistem v svete yazykovykh dannykh [Pluralism of ethical systems in the light of linguistic data]. In: Arutyunova, N.D. & Levontina, I.B. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki etiki* [Logical Analysis of Language. Languages of Ethics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 380–390.
12. Vendina, T.I. (2004) Prekrasnoe i bezobraznoe v russkoy traditsionnoy dukhovnoy kul'ture [The beautiful and the ugly in Russian traditional spiritual culture]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki estetiki. Kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical Analysis of Language. Languages of Aesthetics. Conceptual Fields of the Beautiful and the Ugly]. Moscow: Indrik. pp. 143–162.
13. Zaliznyak, A.A. & Shmelev, A.D. (2004) Esteticheskoe izmerenie v russkoy yazykovoy kartine mira: byt, poshlost', vran'e [Aesthetic dimension in the Russian linguistic picture of the world: Everyday life, vulgarity, lies]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki estetiki. Kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical Analysis of Language. Languages of Aesthetics. Conceptual Fields of the Beautiful and the Ugly]. Moscow: Indrik. pp. 209–230.
14. Uryson, E.V. (2004) Esteticheskaya otsenka tela cheloveka v russkom yazyke [Aesthetic evaluation of the human body in Russian]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki estetiki. Kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical Analysis of Language. Languages of Aesthetics. Conceptual Fields of the Beautiful and the Ugly]. Moscow: Indrik. pp. 471–487.
15. Nikitina, S.E. (2004) O statuse krasoty v sovremennoy narodnoy kul'ture: prekrasnoe i krasivoe [On the status of beauty in modern folk culture: The splendid and the beautiful]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki estetiki. Kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical Analysis of Language. Languages of Aesthetics. Conceptual Fields of the Beautiful and the Ugly]. Moscow: Indrik. pp. 639–650.
16. Gyngazova, L.G. & Ivantsova, E.V. (2013) What Is "Bad" by a Traditional Folk Speech Culture Representative *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (24). pp. 5–18. (In Russian).
17. Vol'f, E.M. (1985) *Funktsional'naya semantika otsenki* [The Functional Semantics of Evaluation]. Moscow: Nauka.
18. Arutyunova, N.D. (1998) *Yazyk i mir cheloveka* [The Language and World of Man]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
19. Baranov, A.N. (1989) Aksiologicheskie strategii v strukture yazyka (paremiologiya i leksika) [Axiological Strategies in the Structure of Language (Paremiology and Lexis)]. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 74–89.
20. Dubovskiy, Yu.A., Zagraevskaya, T.B. & Kolesnik, O.G. (2009) *Kogniolingvisticheskiy aspekt otsenochnosti v spontannom diskurse* [The Cogniolinguistic Aspect of Evaluativeness in Spontaneous Discourse]. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University.

DICTIONARIES

1. Russian Academy of Sciences. (1806–1822) *Slovar' Akademii Rossiyskoy, po azbuchnomu poryadku raspolozhennyy* [Dictionary of the Russian Academy, Alphabetized]. Parts 1–4. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
2. Sokolov, P. (1834) *Obshchiy tserkovno-slavyano-rossiyskiy slovar', ili Sobranie recheniy kak otechestvennykh, tak i inostrannykh, v tserkovno-slavyanskom i rossiyskom narechiyakh upotreblyaemykh* [General Church Slavonic–Russian Dictionary, or a Collection of Sayings, Both Russian and Foreign, Used in Church Slavonic and Russian Dialects]. Vols 1–2. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
3. Second Department of the Academy of Sciences. (1847) *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka* [Dictionary of Church Slavonic and Russian Language]. Vols 1–4. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
4. Dal', V.I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 Volumes]. Moscow: Progress-Univers.

Received: 24 June 2020